

Чагинская Елена Алексеевна

**ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДУБЛЕТОВ
НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА А. А. УФИМЦЕВОЙ**

Изучение феномена русско-церковнославянской семантической дублетности, находящееся в начальной стадии, требует применения адекватных научных методов. В качестве одного из таковых в статье рассматривается принцип семиологического описания лексики, который оказывается весьма продуктивным в плане уточнения различий в лексической семантике слов, составляющих дублетную пару.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/2/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 188-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**BASIC INDIVIDUAL (VARIABLE) CHARACTERISTICS
OF THE ENGLISH BUILDING TERMINOLOGY SYSTEM****Zaliha Usmanovna Hakieva***Department of the English Language
Pyatigorsk State Linguistic University
Zalikhha_Khakieva@mail.ru*

In the article the invariant (typical for most language terminological systems) and variable (typical only for a certain terminological system) characteristics of building terminology are considered. The structural and semantic characteristics of the building sphere terminology are tackled.

Key words and phrases: terminological system; terminology; building terminology.

УДК 81-26, 81'37, 81'373

Изучение феномена русско-церковнославянской семантической дублетности, находящееся в начальной стадии, требует применения адекватных научных методов. В качестве одного из таковых в статье рассматривается принцип семиологического описания лексики, который оказывается весьма продуктивным в плане уточнения различий в лексической семантике слов, составляющих дублетную пару.

Ключевые слова и фразы: семантические дублеты; дублетность; лексическое значение; компоненты значения; церковнославянский язык; лексическая семантика.

Елена Алексеевна Чагинская, к. филол. н., доцент
*Кафедра русского языка и теории словесности
Московский государственный лингвистический университет
telemta@inbox.ru*

**ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДУБЛЕТОВ
НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА А. А. УФИМЦЕВОЙ[©]**

Вопрос о том, что есть слово, и как именно *Homo Loquens* оперирует его значениями, в комплексе гуманитарных наук не получил однозначного и общепризнанного ответа. С одной стороны, долгое существование интриги делает честь человеческому разуму, который в своей неразгаданности предстаёт инструментом более совершенным, чем им же созданные к настоящему времени инструменты отдельных наук. С другой стороны, отсутствие окончательного вердикта по вопросу санкционирует множество разнообразных путей освоения эвристической перспективы. Можно предположить, что именно такая оценка поля деятельности, раскинувшегося перед лингвистами, побудила Анну Анфилофьевну Уфимцеву предпослать одному из самых известных своих трудов, в качестве эпиграфа, слова А. А. Потемкина: «Широта воззрения не в том, чтобы видеть все, а в том, чтобы например в науке сознательно стоять на своей точке зрения, не думая, что с неё видно все, признавая закономерность, необходимость других точек зрения» [9, с. 5].

Отдавая должное такой презумпции, невозможно, однако, не заметить, что принцип семиологического описания лексики, разработанный А. А. Уфимцевой и позволяющий осуществлять системное изучение феномена лексического значения, представляет собой несомненное достижение отечественной науки о языке. Выстроенный на основе словоцентрического подхода к языку, опирающийся на чёткие методологические посылки и открывающий пути к исследованию лексического значения во всей его полноте (в системе языка и в речи), этот принцип привлекает возможностью объективного описания и анализа именно той стороны слова, которая в наибольшей степени зависит от произволения человека. И, разумеется, принцип Уфимцевой может оказаться подарком для исследователей, нуждающихся в инструменте для выявления тончайших distinctions между лексическими значениями русско-церковнославянских семантических дублетов (под этим термином мы подразумеваем пары формально схожих слов, одно из которых входит в лексический состав русского языка, другое - в лексический состав церковнославянского языка).

Проблемы изучения феномена семантической дублетности на основе принципа Уфимцевой

Проблемы сопоставления лексических значений слов, составляющих русско-церковнославянскую дублетную пару, с точки зрения возможности применения к этой процедуре принципа Уфимцевой, исходят из тех особенностей церковнославянского языка, которые он, как явление историческое и социальное, имеет по сравнению с другими языками, в том числе с русским (NB: вопрос о том, как коррелирует такой узко прагматический взгляд на церковнославянский язык с его статусом языка сакрального, мы выносим за рамки настоящей статьи).

1. Церковнославянский язык, в отличие от русского языка, имеет чёткую функциональную принадлежность: это - богослужебный язык, заданный как комплекс текстов и не используемый в живой речи, за исключением отдельных его элементов, вводимых в речь на русском языке с теми или иными стилистическими целями. Рассматривая лексическое значение, А. А. Уфимцева исходит из противопоставления: лексема (семантически нерасчленённое слово) → ЛСВ (относительно расчленённый словесный знак в составе минимальной синтагмы) → полная семантическая актуализация в составе речевых единиц. Или, целиком в понимании семиологии: виртуальный (семантически константный, статичный) словесный знак → относительно актуализованный знак → абсолютно актуализованный словесный знак. Такое трёхчленное противопоставление, как указывает автор, соответствует основной гносеологической триаде: общее → особенное → единичное [Там же, с. 4, 82]. Применительно к церковнославянскому (и *par excellence* новоцерковнославянскому) языку эта схема требует отдельного исследования - именно постольку, поскольку свобода актуализации знака весьма ограничена ввиду малого диапазона возможных проявлений слова в реальной речи.

2. Старославянский язык, генетическая основа церковнославянского, в некотором смысле может рассматриваться как язык искусственный. В соответствующей статье Лингвистического энциклопедического словаря Н. И. Толстой указывает, что южно-славянский солунский диалект *лёг в основу* старославянского языка; аналогичную точку зрения излагают и другие источники. Иными словами, на фундаменте средств живого языка в IX веке книжниками и переводчиками школы Кирилла и Мефодия был создан особый язык для хранения и передачи библейских истин. Русь получила этот язык в своей основе готовым, так что, применительно к церковнославянскому языку, отдельного рассмотрения и подтверждения требует следующее положение теории А. А. Уфимцевой: «Диалектическое взаимодействие двух модификаций словесного знака - виртуального и актуального - с неизбежностью подтверждает тезис о том, что в лексике строго действует закономерность «оборачивания ролей», постоянно происходит «мена» местами между конкретными, актуальными проявлениями слова в реальной речи, являющимися «первосущностью», и обобщенными, виртуальными знаками, которые, генетически являясь производными от первых, становятся статически первоосновой, семантическим их субстратом» [Там же, с. 82].

3. Если в лексическом значении слова русского языка «отражается и хранится веками социально-исторический опыт носителей данного языка» [Там же, с. 3], то в лексическом значении слова церковнославянского языка отражаются и хранятся христианская догматика и опыт Церкви. То есть, называя одну и ту же вещь словами, формальное отличие между которыми может сводиться лишь к незначительным фонетическим особенностям, русский и церковнославянский язык могут существенно отличаться «мыслью о вещи»; в терминах логической семантики семантические дублеты могут иметь общее экстенциональное значение и принципиально отличные интенциональные значения.

4. Русский язык ориентирован преимущественно на коммуникативную функцию, а для церковнославянского языка приоритетны кумулятивная и когнитивная; русский язык мыслится как «состоящий из слов», а церковнославянский - как «состоящий из текстов»; русский - «говорится», а церковнославянский - «поётся». По этим и другим причинам не вполне ясен вопрос о том, в какой степени к слову церковнославянского языка применим термин «знак». Этот частный вопрос может стать предметом отдельного исследования; в рамках данной статьи мы принимаем позицию А. А. Уфимцевой, как могущую быть распространённой на любой язык, рассматриваемый как семиотическая система.

Структура лексического значения по А. А. Уфимцевой

В исследовании о принципах семиологического описания лексики, на которое мы опираемся, А. А. Уфимцева определяет слово как двусторонний (билатеральный) языковой знак, специфика которого заключается в следующем: «Знаки естественного языка, в отличие от всех прочих, имеют двойную референцию, соотносённость с предметным рядом: а) в качестве номинативных знаков (слов и словосочетаний) в системе наименований, в парадигматике; б) в качестве или в составе предикативных знаков - фраз и предложений в речи, в синтагматике. Свойство двукратной репрезентации (в системе и в актуальной речи) внеязыковой действительности, присущее только естественному языку, превращает последний в своеобразную сигнификативно-коммуникативную систему, уникальную по структуре и универсальную по своему назначению, способную интерпретировать любую деятельность человека, любую другую систему знаков» [Там же, с. 40].

В соответствии с концепцией А. А. Уфимцевой, ограниченность объяснительных возможностей принятой семантикой триады «предмет - понятие - знак» (треугольник Огдена - Ричардса) может быть преодолена. Для этого необходима детализация репрезентируемых словом внеязыковых факторов, которые включают в себя как чувственное (зрительное, слуховое, пространственное) восприятие и представление, так и рациональное (обобщающее, абстрагирующее) мышление. Отношения между словом (словесным знаком) и вещью, опосредованные представлением об этой вещи и понятием о ней, А. А. Уфимцева иллюстрирует стереометрической схемой, представленной как пирамида, вершина которой обозначена точкой «А» (предмет). Лежащие на плоскости точки обозначены как: «А¹» (денотат), «А²» (сигнификат) и «С» (словесный знак). Грани «А - С» и «А - А²» обозначены пунктиром [Там же, с. 92].

Термины «денотат» и «сигнификат» относятся друг к другу так, как и две стороны знака: *denotative* 'обозначающий, означающий' и *significative* 'значащий, значимый'. Соответственно, под денотатом следует понимать: 1) типизированное представление о вещи как целостной сущности, предметную отнесенность слова; 2) модификация этого понятия - реальный предмет, подпадающий под данный денотат как конкретный экстенсивный компонент в конкретном высказывании в речи, т.е. референт слова в речи. Термину «денотат» в логике соответствует термин «экстенсивность»; в русской логической традиции - «объём» понятия: множество потенциальных референтов.

Под сигнификатом следует понимать качества или свойства, составляющие внутреннее содержание слова. Содержание понятия «сигнификат» может быть приравнено к «интенсивности»; в русской логической традиции - «содержание» понятия.

Денотативный компонент значения стоит ближе к объективной действительности, нежели сигнификативный; он соотносится с тем, что воспринимается чувственно. Не случайно, по мнению автора концепции, критерий воспринимаемого / невоспринимаемого органами чувств издавна служит водоразделом конкретных и абстрактных имён существительных [Там же, с. 91-93, 106]; о терминологических параллелях см. [3, с. 57-58].

На схеме заштрихованная плоскость с координатами «С-А¹-А²» представляет знаковое значение слова (С); предмет (А) получает наименование через соотношение слова (С) с представлением о целостном предмете (денотат, А¹) и с понятием о содержательных признаках (сигнификат, А²) предмета (А). Пунктирные линии условно выражают мысль об отсутствии непосредственной связи слова с предметом, а также о том, что связь с предмета с сигнификатом опосредована денотатом - «более чувственной ступенью восприятия предмета» [9, с. 92].

Согласно концепции автора два рассмотренных компонента лексического значения в разной пропорции присутствуют в семантике слов. Например, в именах естественных классов и артефактов (ягоды, грибы, дворец) присутствуют: денотат + сигнификат + референт - в речи [Там же, с. 128]. В семантической структуре профессионализмов (специализированная лексика: *adrenal* 'надпочечник', *bushing* 'втулка') присутствует только денотативный компонент, т.е. лексическое значение таких слов носит чисто денотативный характер. Напротив, сигнификативный характер носит семантика гиперонимов, выражающих родовые понятия (*чувство*, *движение*, *отношение*); обобщённые признаки, не соотносимые с представлением конкретных предметов (*синевая*, *близина*, *красота*) и т.д.

К последней группе относятся и «понятия об ирреальных предметах, конструктах человеческой мысли, которым в реальной действительности не соответствует никаких реальных предметов, типа: *дьявол*, *бог* и т.п.» [Там же, с. 107]. Такие слова, называемые в логике «именами с пустым денотатом» (*русалка*, *гном*, *домовой*, *леший*, *angel*, *apostle*, *demon*, *demigod*, *centaur*, *devil*) занимают срединное положение между конкретной и абстрактной лексикой наряду с именами с широким кругом референции [Там же, с. 128]. Очевидно, что отнесение предметов к «реальным» или «ирреальным», то есть конструктам человеческой мысли, зависит от того, какая архитектура мира принимается исследователем за исходную аксиому. Значения метода этот субъективный момент, на наш взгляд, не может умалить: основные мировоззренческие презумпции всегда по необходимости аксиоматичны, что никогда не мешало строить на их основе логичные и плодотворные теории. Вместе с тем понятно и то, что механическое перенесение на церковнославянский язык тех научных представлений, которые выработаны на материале языков, служащих для выражения мировоззренческих, телеологических и аксиологических ориентиров культур эвдемонического типа, непродуктивно. Если мы последуем логике принципа, то увидим, что семантика таких русских слов, как «истина», «прелесть», «соблазн» носит сигнификативный характер (в случае отсутствия конкретного референта). При этом в семантике их церковнославянских дублетов, наряду с возможным в речи сигнификативным компонентом, непременно будет присутствовать и денотативный компонент. «Истина» - одно из самоименований Христа, подразумеваемое при любом словоупотреблении. «Прелесть» - название духовного недуга, имеющего чётко описанную симптоматику. Слово «соблазн» Словарь прот. Г. Дьяченко толкует как «преткание на пути, от чего человек иногда упадет; иносказательно берется за духовное преткновение, за петлю и сеть, т.е. за такие вещи, которые нас на пути к жизни вечной могут несколько остановить, или вовсе препятствовать к спасению» [7, с. 626]. Рискнём высказать предположение, что церковнославянской лексике вообще свойственно тяготение к преобладанию денотативного компонента.

Коннотативные значения как компонент семантической структуры слова

Выделяя, со ссылкой на Э. С. Азнаурову, номинативные словесные знаки, предметом обозначения которых являются квалификативные сферы познавательной деятельности человека, в отдельную группу, А. А. Уфимцева приводит их систематизацию по трём подгруппам. Первую составляют наименования, содержание которых непосредственно связано с квалификацией предметов на основе эмоционального переживания (*домишко, кляча*, бранные имена существительные и т.д.). Вторую - наименования, содержащие рационально-оценочную, интеллектуальную оценку (*контрабандист*). В третью подгруппу входят языковые и речевые метафоры различной структуры, т.е. наименования, содержащие результат чувственного или интеллектуального сравнения [9, с. 95]. Поскольку предметом наименования таких стилистически отмеченных словесных знаков является обобщённое, типизированное представление, значение словесного знака носит сигнификативный характер. Такое стилистическое значение, присущее слову в системе языка и интегрированное в сигнификативный компонент значения, А. А. Уфимцева отграничивает от коннотаций, включаемых в прагматический аспект значения слова: «Что касается коннотативных элементов, то они не включаются в знаковое значение словесных знаков, порождаясь специфическими условиями их использования в речевых актах» [Там же, с. 96]. Для задач сопоставления семантических дублетов, однако, указание на доминирующую коннотацию может оказаться полезным, тем более что среди лингвистов отсутствует единство позиций относительно возможности включения коннотации в семантическую структуру слова.

Так, например, В. С. Виноградов включает коннотации в состав лексического значения, присущего слову в системе языка. Понятия, согласно точке зрения учёного, отражают существенные признаки вещей, действий, качеств и явлений, т.е. их сущность и родовую общность. В содержании лексического значения сохраняются основополагающие признаки понятия, но оно оказывается объёмнее понятия, «потому что в нем, кроме самого понятия, фиксируется дополнительная информация, конкретизирующая выражаемое понятие и передающая стилистические, эмоциональные, стилевые и другие подобные характеристики слова. Эти уточнители не входят в само понятие, но они составляют важную часть значения» [1, с. 17]. Лексическое значение, таким образом, понимается как информативное (смысловое) содержание слова, сформированное на основе понятия и коннотации (коннотаций) [Там же].

Подобной точки зрения придерживается и Ю. С. Маслов, который включает в состав лексического значения коннотации - в прямом соответствии с этимологией термина - в качестве «добавок» к концептуальному значению (или концептуальному ядру значения) слова. Аргументом в пользу такой позиции служат имеющиеся в каждом языке знаменательные слова, для которых выражение тех или иных эмоций (например, междометия *ого! тьфу! брр!*) или же передача команд и побуждений к действию (*стоп! брысь! прочь!*) являются не дополнительным, а основным значением [5, с. 112].

Представляется, что вопрос о том, включать или не включать коннотацию в состав лексического значения слова как элемента языка, во многом зависит от интерпретации смысла латинского этимона термина: либо это - дополнительное значение (с логическим ударением на втором слове), то есть, собственно созначение, либо это - дополнение к значению. С учётом специфики исследуемого материала нами, вслед за Ю. С. Масловым и В. С. Виноградовым, выбрана первая опция, и коннотация рассматривается именно как возможный, хотя и не обязательный, компонент лексического значения.

Таким образом, описание семантической структуры лексемы включает: денотативный компонент - “D”, сигнификативный компонент - “S”, коннотацию “C”; описание семантической структуры относительно или абсолютно актуализованных языковых единиц может включать и референт “R”. Поскольку буквенные обозначения используются в настоящей статье в схемах, назначение которых состоит в том, чтобы позволить «охватить» обозначаемое содержание в целом, с определённой долей абстракции, удобно - с помощью невербальных символов - отмечать общий характер эмоциональной оценки, представляющей собой содержание коннотативного компонента значения. Такое обобщение не всегда осуществимо, однако в большинстве случаев словарь предоставляет возможности интерпретировать коннотацию как в целом позитивно-оценочную (пометы: *высокое / высокого стиля, ироническое, шутовское, ласкательное*), или в целом негативно-оценочную (пометы: *бранное, грубое, неодобрительное, пренебрежительное*). Основываясь на символических универсалиях, в целом позитивные коннотации мы будем обозначать “C↑”, а в целом негативные - “C↓”. Например, доминирующую коннотацию русского слова «гордость» можно обозначить как “C↑”; тогда как обозначение коннотации его церковнославянского дублета «*гѣрдостъ*» будет выглядеть как “C↓”.

О наличии у слова (чаще всего у слова - ЛСВ) коннотации информируют не только словарные пометы: нередко наличие коннотации имплицировано текстом толкования. Такая суммарная экспрессивная окраска, характеризующая текст, составленный конкретным автором словаря, мотивирована объективными причинами, поскольку на самом деле она так или иначе «санкционирована» обществом, в речевой практике которого выделились устойчивые коннотации, соотносимые, например, с аксиологическими доминантами данного культурно-исторического этапа. Ценности же носят объективный, трансцендентный по отношению к индивидуальному сознанию и деятельности, характер [8, с. 919].

Коннотация, которая, по В. Н. Телия, может быть выражена любым компонентом, дополняющим предметно-понятийное содержание языковой единицы [4, с. 236], выявляется даже в орфографическом оформлении словарной статьи. Например, такую дополнительную информацию предоставляет способ написания русского слов «Бог», «Божий» || «бог», «божий». Заглавная или прописная буква может указывать не только на оценочные коннотации, но и в целом на соотнесённость понятия с той или иной культурной парадигмой.

Опыт сопоставления семантических структур на примере дублетов «*катавасія*» || «катавасия»

Применительно к настоящему исследованию в фокусе внимания оказывается не сам вопрос о статусе коннотации в семантической структуре слова, а, скорее, способность коннотации быть дифференцирующим признаком. В этой её функции отсутствие коннотации может быть так же релевантно, как и наличие коннотации с той или иной эмоционально-оценочной окраской.

Рассмотрим, в качестве примера, семантическую структуру церковнославянского слова «*катавасія*» - «ирмос, для пения которого певцы с обоих клиросов сходятся на середину храма» [7, с. 246] и семантическую структуру его семантического дублета «катавасия» - 'беспорядок, суматоха' [6, с. 274]. *Катавасія* - слово, являющееся богослужебным термином (< *катавасія*); оно лишено коннотаций, и структура его лексического значения сводится к единственному компоненту - денотативному. Сутолока, которая, очевидно, нередко возникала в наполненном людьми храме, когда правый и левый хоры в ходе богослужения спускались с клиросов и держали путь к центру, мотивировала устойчивую ассоциацию между понятием, отражающим фрагмент реальности (этап богослужения), и переживанием, эмоционально окрашенной оценкой. Оценка добавилась к понятию. Однако расширение объёма понятия сказалось не на самом церковнославянском языке, где слово осталось термином, а на русском - на значении слова, которое русский язык заимствовал из церковнославянского. Словарь В. И. Даля отмечает этап этой трансформации, близкий к её началу: первое значение русского слова «катавасия» (с фонеморфологическим вариантом «катавасья») сохраняется заимствованным: 'ирмосы, которыми покрываются песни канона на утрени; они поются обоими клиросами, среди церкви'. Однако, с пометой «*в просторечии*», даётся уже и новое значение, сложившееся на основе расширения понятия: «суета или сумбур, бестолочь, перевероты, беспорядок, ссора»; и даже - 'драка' (псковский говор) [2, с. 238]. По мере ослабления в общественном сознании сигнификативной связи, а точнее - по мере угасания понятия, бывшее эмоционально-оценочное дополнение к понятию стало самим понятием, и это новое понятие сохранило в себе реликт прежней коннотации (реликт себя самого в прежней функции). Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой даёт две пометы: «*разговорное, шутовское*», и это - то, что в русском слове запечатлелось от атмосферы многолюдных богослужений, во время которых среди притомившихся чад Божиих вдруг начиналась суматоха. Теперь - растут два дерева: молодое выросло рядом со взрослым, из одного с ним живого корня. Таблица наглядно представляет отличия в структуре лексических значений семантических дублетов (уровень лексем).

<i>катавасія</i>	катавасия
D	D+S+C↑

Сложная семантическая структура лексического значения русского слова включает в себя денотативный компонент (типизированное представление о новом предмете мысли, связанное с чувственным восприятием); сигнификативный компонент (обобщённое представление о качествах и свойствах, проявляющихся на любом уровне абстракции) и коннотативный компонент.

Отметим, как исключительно значимое для нашей темы, следующее замечание А. А. Уфимцевой: «В содержательном плане лексическое значение корреспондирует не только с денотатом и сигнификатом, его формирующими, но и с перифрастическим описанием, толкующим это значение в словарях» [9, с. 153]. Эта позиция, на наш взгляд, сообщает принципу гибкость, позволяющую применять его в нашем случае, когда речь идёт о сопоставлении двух языков, имеющих глубокие отличия в строении лексического состава, поскольку полноценное толкование церковнославянского слова оказывается по своему характеру не столько «словарным», сколько «энциклопедическим». Что же касается уточнения семантики русских дублетов, представляется, что выбор - в поисках перифрастического описания - словарей должен быть мотивирован в первую очередь их «кодифицирующей способностью», т.е. влиянием, которое они оказывают на утверждение языковой нормы.

«Разграничение лексического содержания на денотативный и сигнификативный его аспекты (компоненты), - указывает А. А. Уфимцева, - довольно относительно и трудно определимо, но оно несомненно соответствует природе лексического значения и весьма полезно при описании лексической семантики. Именно сложные взаимоотношения этих двух разных по степени обобщения семантических признаков, реализация одного и «приглушение» другого в актуальной речи, «мена» одного на другой в границах внутрисловных их отношений, доминанция одного над другим и прочие ракурсы их взаимодействия порождают лексические знаки со сложной смысловой структурой...» [Там же]. Учитывая указанные трудности, суммируем, что принцип Уфимцевой определённо оказывается плодотворной основой для сопоставления лексических значений семантических дублетов.

Список литературы

1. **Виноградов В. С.** Курс лексикологии испанского языка. М.: Высшая школа, 1994. 192 с.
2. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. М.: А/О Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1994. Т. 2. 912 с.
3. **Кронгауз М. А.** Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
4. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. **Маслов Ю. С.** Введение в языкознание: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.
6. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
7. **Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений)** / сост. священник магистр Г. Дьяченко; репринтное воспроизведение издания 1900 г. М.: Издательство «Отчий дом», 2005. 1120 с.
8. **Словарь психолога-практика** / сост. С. Ю. Головин. 2-е изд. Минск: Харвест, 2005. 976 с.
9. **Уфимцева А. А.** Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / под ред. Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.

ATTEMPT OF THE COMPARISON OF THE RUSSIAN - OLD CHURCH SLAVONIC SEMANTIC DOUBLETS ON THE BASIS OF A. A. UFIMTSEVA'S PRINCIPLE**Elena Alekseevna Chaginskaya**

*Department of the Russian Language and Philology Theory
Moscow State Linguistic University
melemma@inbox.ru*

The study of the phenomenon of the Russian - Old Church Slavonic semantic doubling which is now at its initial stage requires the application of adequate scientific methods. In the article one of such methods is considered - the principle of the semiological description of the vocabulary which proves to be quite productive for specifying the differences in the lexical semantics of the words making up the doublet pair.

Key words and phrases: semantic doublets; doubling; lexical meaning; meaning components; Church Slavonic language; lexical semantics.

УДК 81'42

В данной статье авторы представили дискурс в образовании с точки зрения филологии.

Ключевые слова и фразы: дискурс; образование; образовательная среда; культуропорождение; коммуникация.

Сергей Федорович Шабает*Департамент образования администрации г.о. Самара***Эльчин Айдынович Гашимов**, к. филол. н., доцент*Кафедра английской филологии**Самарский филиал Московского городского педагогического университета**elchgash@mail.ru***К ВОПРОСУ О ДИСКУРСЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ®**

В современном мире образование занимает одну из ведущих позиций. Школа рассматривается как основной базисный институт современного общества. «Структура школы, - как отмечает В. Я. Нечаев, - закрепляет определенные взаимоотношения между обучаемым и учащимся и производно от них - взаимоотношения с другими лицами» [3, с. 125]. Говоря об образовании, мы представляем его как специфическую, структурированную форму социализации, при которой знания, культурные ценности и умения передаются от поколения к поколению. Образование призвано производить тех людей, которые вливаются в общество, а не тех, которые намереваются изменить его. Находясь в обществе, человек не может существовать обособленно от него, не может жить вне его законов, и основной целью института образования является приобщение ребенка к такому миру, в котором безликие правила и социальный статус заменяют личные отношения.